



ДЖЕК

ЛОНДОН

РОБЕРТ ФИШ



Бюро заказных убийств



Издательство АСТ
Москва

Роман закончен Робертом Фишем
на основе набросков Джека Лондона
и заметок его вдовы Шармейн Лондон.

Глава 1

Он был красив: огромные блестящие черные глаза, безупречно чистая, гладкая, шелковистая кожа оливкового цвета, копна вьющихся черных волос, в которые хотелось запустить пальцы. Таких мужчин обожают женщины, а сами они в полной мере осознают собственную неотразимость и прекрасно этим пользуются.

Высокий рост, стройная фигура и широкие мускулистые плечи великолепно сочетались с уверенными мужественными манерами. Впрочем, сейчас об уверенности говорить не приходилось: взгляд, которым он окинул комнату и проводил слугу, был скорее настороженным. Слуга был глухонемой: об этом предупредил Лениган, когда рассказывал, как посещал квартиру.

Как только дверь закрылась, он не смог сдерживать дрожь, хотя само по себе пространство не выглядело ни мрачным, ни зловещим. Это была вполне обычная комната. Там, где стены оставались свободными от книжных полок, привлекали внимание гравюры и большая географическая карта. В углу, на этажерке, аккуратными стопками

лежали брошюры с железнодорожными и морскими расписаниями. Пространство между окнами занимал огромный письменный стол с телефоном, а рядом, на приставной тумбе, стояла пишущая машинка. Повсюду царил безупречный порядок — свидетельство железной внутренней дисциплины и твердости духа хозяина.

Посетителя заинтересовали книги. Он подошел к полкам и наметанным взглядом осмотрел ряд за рядом. Солидные, добротнo переплетенные тома не пугали ни неведомыми именами авторов, ни экзотическими названиями. Здесь стояли собрания прозаических драм Ибсена, а также пьес и романов Шоу. Роскошные издания произведений Уайльда, Смоллетта, Филдинга, Стерна и сборник сказок «Тысяча и одна ночь» мирно соседствовали с литературой философской и социальной направленности. Почетное место на полках занимали такие книги, как «Эволюция частной собственности» Лафарга, «Маркс для студентов», сборник эссе фабианцев, «Экономическое превосходство» Брукса, «Бисмарк и государственный социализм» Доусона, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Соединенные Штаты на Востоке» Конанта и «Организованный труд» Джона Митчела. Кроме того, хозяин явно отдавал предпочтение произведениям на русском языке, и, судя по всему, его особым уважением пользовались Толстой, Горький, Тургенев, Андреев, Гончаров и Достоевский.

Посетитель перешел к журнальному столу, где в строгом порядке размещались стопки ежедневных, еженедельных и ежеквартальных периодических изданий, а с краю лежали новейшие романы — не меньше дюжины экземпляров. Придвинув стул, он устроился поудобнее, вытянул ноги, с удовольствием закурил и принялся бегло просматривать новинки. Внимание сразу привлекла тонкая книжица, на красной обложке которой что-то кричала вульгарного вида особа. Посетитель взял странное издание в руки и прочитал заглавие: «Четыре недели. Громкая книга», — но едва приоткрыл обложку, страницы ответили взрывом — немощным, но в сопровождении вспышки яркого света и столба густого дыма. Мужчина аж подскочил, высоко вскинув руки и ноги, инстинктивно отброшенная книга отлетела к стене, словно это была ядовитая змея, которую случайно схватили. Посетитель выглядел глубоко потрясенным: безупречная оливковая кожа приобрела отвратительный зеленоватый оттенок, а выразительные черные глаза были выпучены от страха.

Именно в этот момент открылась дверь из внутренних покоев и явился руководящий гений собственной персоной. При виде унижительной паники незнакомца на гладко выбритом лице появилась холодная презрительная ухмылка. Он наклонился, поднял с пола книгу, раскрыл и показал игрушечное взрывное устройство.

— Стоит ли удивляться, что подобные вам существа вынуждены обращаться ко мне за помощью? — не скрывая пренебрежения, проговорил хозяин. — Вы, террористы, остаетесь для меня загадкой. Почему неудержимо тянетесь именно к тому, чего боитесь больше всего на свете? — В голосе зазвучала мрачная насмешка. — Это же всего-навсего порох. Даже если взорвете такой пистон на собственном языке, отделаетесь лишь временными неудобствами при разговоре и еде. Итак, кого вы намерены убить на сей раз?

Внешне хозяин кабинета был полной противоположностью посетителя: весь какой-то бледный, словно полинявший, со светлыми, почти как у альбиноса, по-девичьи длинными ресницами и прозрачной голубизны глазами. Голову скудно покрывали снежно-белые волосы — но это не было данью времени. Рот не отличался четкостью очертаний, а широкий высокий выпуклый лоб красноречиво свидетельствовал о выдающемся уме. По-английски джентльмен говорил слишком правильно, без малейшего акцента, что делало его речь лишенной жизни. Несмотря на недавний розыгрыш, хозяин вовсе не походил на весельчака: скорее основной чертой его характера можно признать тяжелое, мрачное достоинство. Вокруг него неизменно возникала атмосфера самодовольства и могущества в сочетании с выходившим далеко за пределы книг с сюрпризом философским спокойствием. В целом внешность этого лишенного цвета

и четкости линий человека производила настолько неопределенное впечатление, что даже о возрасте трудно было что-то сказать: ему могло быть как тридцать, так и пятьдесят, а то и все шестьдесят.

— Иван Драгомилов — это вы? — осведомился посетитель.

— Я известен под этим именем, и оно ничуть не хуже любого другого, например вашего. Я прав, мистер Хаусман Уилл? Во всяком случае, именно так вы себя назвали. Я вас знаю. Вы секретарь группы Каролины Уорфилд, с которой мне уже приходилось иметь дело. Насколько помню, о вас упоминал Лениган.

Хозяин умолк, водрузил на свою лысеющую голову черную ермолку и, опустившись в кресло, добавил холодно:

— Надеюсь, претензий не возникло.

— О нет! Разумеется, нет! — поспешил заверить его гость. — Предыдущая операция прошла безукоризненно. Единственная причина, по которой мы с тех пор не обращались к вам, заключается в нехватке средств, но сейчас возникла острая необходимость покончить с Макдаффи, шефом...

— Да знаю я его, — перебил собеседник. — Шеф полиции.

— Видите ли, это настоящее чудовище, зверь! — в негодовании воскликнул Хаусман. — Бесцеремонно оскверняет наше правое дело, лишает группу лучших, избранных бойцов. Несмотря на неоднократные предупреждения, выслал из города

Тауни, Цицерола и Глука. Вероломно врывается на наши собрания, а его подчиненные избивают нас как скотину. Это он ни за что бросил в тюремные застенки и подверг жестоким истязаниям четверых наших братьев и сестер.

Слушая горькое повествование о причиненных шефом полиции несчастьях, Драгомилов то и дело кивал, словно мысленно составлял список преступлений.

— Вот, например, бедолага Санджер — самая чистая и благородная душа из всех, кто когда-либо дышал отвратительным воздухом цивилизации. Семидесятидвухлетний старик с кучей болезней вот уже десять лет медленно умирает в тюрьме Синг-Синг. И где? В нашей свободной стране! И за что? — с пафосом воскликнул Хаусман и внешне упавшим, пустым от безнадежности голосом сам себе ответил: — Да ни за что.

Гость помолчал, словно собираясь с духом, и продолжил:

— Необходимо преподать этим собакам новый кровавый урок! Нельзя допустить, чтобы они безнаказанно продолжали свои грязные делишки. На суде офицеры Макдаффи выступали как свидетели и лгали направо и налево — нам это доподлинно известно. Шеф полиции подзадержался на этом свете. Время пришло. Следовало давно с ним покончить, да мы никак не могли собрать необходимую сумму. Наконец, когда поняли, что заказное убийство дешевле услуг адвокатов, бросили на произвол судь-

бы томящихся в тюрьме несчастных товарищей и сосредоточились на сборе денег.

— Вам, конечно, известно наше правило: мы не принимаем заказы до тех пор, пока не убедимся в социальной оправданности действий, — невозмутимо заметил Драгомилов.

— Несомненно! — воскликнул Хаусман.

— Но в данном случае, — не обращая внимания на его эмоциональность, продолжил Драгомилов, — мне уже ясно, что вы совершенно правы: казнь Макдаффи следует считать общественно полезным и целесообразным делом. Мне прекрасно известно, что это за тип, поэтому могу с уверенностью заявить, что наше расследование приведет к обоюдовыгодному решению. А теперь что касается оплаты...

— Но что, если в результате проверки вы все-таки не сочтете наш заказ социально оправданным?

— В таком случае вы получите свои деньги обратно за вычетом тех десяти процентов, что мы берем за расследование. Таково наше непреложное правило.

Хаусман достал из кармана увесистый кошель, но все же уточнил:

— Обязательно сразу оплачивать ваши услуги полностью?

— Условия вам известны, — пожал плечами хозяин с мягким укором.

— И все же я думал... надеялся... Вы же знаете, что мы, анархисты, народ небогатый.

— Именно поэтому с вас много и не беру: всего десять тысяч долларов. Сумма более чем приемлемая, особенно если учесть, что заказ на шефа полиции огромного города. Поверьте, сумма едва покрывает служебные расходы. С частных лиц мы берем значительно больше и, если бы вы были миллионером, а не представителем бедной боевой группы, за Макдаффи я спросил бы не меньше пятидесяти тысяч. К тому же сам я не могу выполнять заказы по состоянию здоровья.

— О господи! Какую же цену в таком случае назначите за короля? — воскликнул собеседник, совершенно потрясенный.

— Короли бывают разные. Скажем, английский монарх будет стоить полмиллиона долларов, ну а какой-нибудь мелкий — второразрядный или третьеразрядный — правитель обойдется заказчику в довольно скромную сумму: примерно семьдесят пять—сто тысяч долларов.

— Никогда бы не подумал, что эти бездельники так дороги, — недовольно пробормотал Хаусман.

— Именно по этой причине их и убивают редко. Далее. Не забывайте о значительных тратах на созданную мной безупречную структуру. Одни лишь дорожные расходы намного выше, чем вы предполагаете. У меня многочисленная сеть агентов, и было бы глупо думать, что они рискуют собственной жизнью просто так, из бескорыстной любви к процессу. Важно и то, что мы действу-

ем без малейшего риска для своих клиентов. Если полагаете, что десять тысяч за жизнь шефа полиции Макдаффи — слишком дорого, то позвольте спросить: собственную жизнь цените еще ниже? Вынужден заметить, что вы, анархисты, никуда не годные работники. За что бы ни взялись, все портите или вообще попадаете в лапы полиции. Больше того: из-за вашего пристрастия к динамиту и адским машинам в городе царит паника.

— Наши казни должны проходить показательно и даже устрашающе, — с пафосом заявил Хаусман.

Начальник бюро заказных убийств кивнул.

— Да, понимаю, но суть не в этом. Как я уже сказал, столь примитивные и жестокие методы расправы чрезвычайно опасны для агентов-исполнителей. Если ваша группа позволит мне действовать посредством яда, предоставлю скидку в десять процентов, а если одобрите использование пневматической винтовки, сэкономите целых двадцать пять.

— Ни за что! — убежденно воскликнул анархист. — Подобные скрытные методы нас не устраивают. Наши убийства должны носить зрелищный, кровавый характер.

— В таком случае скидка невозможна. Вы ведь американец, мистер Хаусман?

— Да, стопроцентный американец. Родился и вырос в Соединенных Штатах, в городе Сент-Джозеф, штат Мичиган.